

Серебряные нити
или
приключения Мальвины

18+

SkyFox

**Серебряные нити, или
приключения Мальвины**

«Автор»

2026

SkyFox

Серебряные нити, или приключения Мальвины / SkyFox —
«Автор», 2026

Мир, в котором нет золотого ключика, открывающего дверь в новый, счастливый мир. Зато есть серебряные Нити, которые держат крепче любых цепей. В кукольном театре Карабаса-Барабаса артисты улыбаются на сцене и страдают за занавесом. Мальвина — лучшая кукла труппы, но её ослепительная улыбка скрывает то, о чём не хочет знать публика. Когда появляется шанс на освобождение, она должна выбрать между знакомым адом и незнакомой свободой. Среди тех, кто окажется на её пути, кто-то захочет её спасти, кто-то - поклоняться, а кто-то захочет просто быть рядом. Но никто не спросит главного: а чего же хочет она сама? История о куклах, которые мечтают стать живыми. И о том, что обретение себя иногда происходит там, где меньше всего этого ожидаешь.

Содержание

Глава 1. Плеть и слезы	6
Глава 2. Нити и ножницы	12
Глава 3. Топор и пепел	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

SkyFox

Серебряные нити, или приключения Мальвины

Глава 1. Плеть и слезы

Воздух в тесной гримерке за кулисами кукольного театра был заполнен тяжелым запахом старого дерева и пропахшего нафталином сукна, смешивающегося с ароматом ладана. За единственным, выходящим во двор окном, сгущались сумерки. И лишь неровный трепет свечного пламени нарушал полумрак комнаты.

Мальвина, полностью обнаженная, лежала на жесткой койке вниз лицом, уткнувшись лбом в прохладную холщовую подушку. Ее будто выточенная из слоновой кости кожа в сумраке казалась бледной и уязвимой. Голубые локоны рассыпались по плечам и спине, скрывая изгибы тела.

Артемон стоял над ней. Его широкие ладони, покрытые пахучим маслом, медленно скользили по гладкой коже ее спины. Он начинал с поясницы, мягко надавливая пальцами, проходя вдоль позвоночника вверх к лопаткам, пытался расслабить каждый натянутый, словно струна, мускул.

— Тише, Мальвина, тише... — едва слышно прошептал Артемон, наклоняясь ниже. Теплое дыхание мягко коснулось ее шеи. — Позволь мне помочь тебе. Тебе нужно отдать эту тяжесть. Хотя бы на несколько минут.

Пальцы спустились ниже, плавно очерчивая изгиб бедер и растирая разогретую кожу. Каждое движение его рук было медленным, выверенным — так касаются того, что может рассыпаться. Артемон делал это не торопясь, так, как делают только для одного человека на свете. Он изо всех сил пытался снять сковывавшее ее оцепенение. На мгновение по коже Мальвины под его ладонями пробежала волна облегчения, дыхание отыскало ритм, а губы слегка приоткрылись от мягкой неги.

Но не успело ее тело до конца расслабиться, как из глубины коридора донесся низкий, мерный гул — за стенкой, в главном зале, прогремел раскатистый бас, а вслед за ним раздался хлесткий удар плети о доски сцены.

Мальвина вздрогнула всем телом и вцепилась пальцами в края жесткого матраса. Ее спина мгновенно одеревенела, а лопатки непроизвольно сжались.

— Не могу... Артемон, я не могу, — сухо и прерывисто прошептала она, не поднимая головы. — Не надо.

— Ты снова вся сжалась, — с бессильной болью в голосе прошептал Артемон, продолжая мягко, но настойчиво круговыми движениями растирать ее плечи, не давая зажиму снова свести лопатки. — Забудь про него хотя бы сейчас. Почувствуй мои руки. Выдохни.

— Как я могу забыть? — Мальвина резко повернула голову набок, и в ее больших синих глазах блеснул страх. — Ты же слышишь его? Спектакль заканчивается. Актеры уходят за занавес. Через десять минут свечи в зале погаснут, и он позовет меня.

Артемон на мгновение замер, его ладони продолжали согревать ее поясницу, но пальцы слегка задрожали.

— Я рядом. Я буду за дверью, — тихо ответил он, снова приводя руки в движение, мягко надавливая на напряженные мышцы шеи, пытаясь подавить нарастающую в ней панику. — Просто дай мне снять эту боль с твоих плеч.

— Это бесполезно, — прошептала Мальвина, закрывая глаза.

Ее тело, принявшее столько заботы и тепла от прикосновений Артемона, так и оставалось скованным жестким невидимым панцирем. Любое движение его ладоней лишь острее напоминало ей о том, чьи грубые, тяжелые руки сменят эти прикосновения уже через несколько минут.

Из глубины коридора, перекрывая гул затихающего театра, раздался налитый гневом бас, от которого вздрогнули оконные стекла:

— Мальвина, черт тебя подери!

Звук этого голоса действовал как ледяная вода. Оцепенение мгновенно сменилось привычной собранностью. Мальвина села на койке, сбросив остатки тепла от покрытых маслом рук Артемона. Ее дыхание участилось, но взгляд стал отсутствующим и холодным.

Она повернулась к Артемону, который так и остался стоять на коленях у койки с опущенными руками. Мальвина наклонилась и со всей нежностью и грустью, на какую была способна в этот миг, коснулась его губ быстрым поцелуем.

— Спасибо, — шепнула она едва слышно.

Свеча на полке мигнула от сквозняка, тянувшего из-под двери, и пламя затрепетало, а по комнате метнулись тени.

Не теряя больше ни секунды, она поднялась. Грაციозные, доведенные до автоматизма движения: шелковое голубое платье привычно скользнуло по плечам и талии, туфли на высоких каблуках отозвались сухим щелчком по деревянному полу. Мальвина провела ладонями по волосам, выпрямила осанку и, уже поднося руку к дверной ручке, привычным движением мышц приклеила на лицо безупречную фарфоровую улыбку куклы.

Едва она сделала шаг за порог в полутемный коридор, из тени вынырнула бледная фигура в длинном белом балахоне.

— Мальвина... — пролепетал Пьеро, протягивая к ней тонкие, дрожащие руки. В его глазах застыла извечная тоска. — Я написал новую песню... о твоих глазах...

— Пьеро, не сейчас, — ровным отстраненным голосом отрезала она, даже не замедлив шага и не глядя в его сторону. Проскользнув мимо, она направилась прямо к дубовой двери в конце коридора.

Ладонь легла на холодную ручку. Она выдохнула и толкнула дверь навстречу неизбежному.

В кабинете Карабаса-Барабаса густо пахло табаком и кислым вином. Сам хозяин театра развалился в огромном кожаном кресле. Его длинная борода каскадом спускалась на грудь и колени. На дубовом столе стоял глиняный кувшин с недопитым вином, а рядом, поблескивая смазанной кожей в свете свечей, лежала его знаменитая плеть с семью хвостами.

— Какого черта так долго?! — прорычал Карабас-Барабас, едва она переступила порог. Он тяжело вздохнул, утирая усы ладонью. — Ладно. Сегодня был трудный день. Начиная как обычно.

Мальвина не произнесла ни слова. Сохраняя на неподвижном лице все ту же сияющую улыбку, она медленно расстегнула потайную молнию на спине. Шелковое платье соскользнуло к каблукам, оставив ее абсолютно обнаженной в желтоватом свете свечей.

Она плавно повернулась вокруг своей оси, демонстрируя хозяину безупречные изгибы своего точеного тела, давая ему со всех сторон рассмотреть бледную кожу, еще хранившую едва заметный глянец массажного масла. Карабас-Барабас сально прищурился, его дыхание стало более частым.

Сделав шаг вперед, Мальвина изящно опустилась перед креслом на колени. Ее тонкие пальцы уверенно легли на пряжку его широкого кожаного ремня. Расстегнув плотные штаны хозяина, она наклонила голову, приоткрыла губы и приступила к своей привычной работе, растворяя свой страх в покорном исполнении хозяйской воли.

Мальвина действовала размеренно, стараясь удерживать нужный темп. Ее тонкие пальцы мягко фиксировали бедра Карабаса-Барабаса, пока губы и язык давали ему так желаемое им влажное, мягкое тепло. Она привычно играла с глубиной, сосредоточившись лишь на механических движениях. «Четырнадцать. Пятнадцать. Шестнадцать» - как беззвучный метроном, отсчитывала она у себя в голове. Жаркое, хриплое дыхание хозяина становилось все более прерывистым, а его пальцы грубо вплелись в ее нежные голубые волосы, прижимая ее голову все сильнее и задавая безжалостный ритм.

Наконец Карабас-Барабас не выдержал. Он издал низкий, утробный рык, резко оттолкнул ее и поднялся на ноги. Схватив Мальвину за хрупкие запястья, он бесцеремонно потащил ее к кожаному дивану и бросил на потертые подушки. Ее тело подпрыгнуло на упругой поверхности, но она тут же приняла послушную позу.

Только успев спустить штаны до колен, Карабас-Барабас тяжелой тушей навалился сверху. Без долгих прелюдий, раздвинув ее стройные бедра, он вошел в нее резко и грубо. Мальвина ощутила острую, сухую вспышку боли, когда мощный плотский орган хозяина до упора заполнил ее узкое лоно.

Он начал двигаться, мощными толчками вколачивая ее тело в кожаную обивку. Диван жалобно заскрипел под их совместным весом. Мальвина запрокинула голову назад, выгибая шею и погружая пальцы в обивку. Метроном в ее голове привычно заработал: *«Сто двадцать пять. Сто двадцать шесть»*. Время от времени она искусно издавала громкие, притворные стоны, попадая в такт его толчкам — именно этого от нее требовала роль идеальной, дарующей наслаждение куклы. Карабас-Барабас наращивал темп, его грубые движения становились все более неистовыми, а густая борода щекотала ее обнаженную грудь.

В какой-то момент хозяин резко дернулся всем телом, глубоко засадив свой орган до самого упора. С его губ сорвался хриплый, победный стон, и Мальвина ощутила, как его густое семя быстро заполняет ее изнутри до предела.

Прошло несколько секунд. Отдышавшись, Карабас-Барабас отстранился, слез с нее и, на ходу натягивая штаны и камзол, вернулся к своему креслу. Грузно опустившись в него, он схватил стоящий на столе глиняный кувшин и сделал несколько жадных глотков прямо через край, утирая губы тыльной стороной ладони.

Кувшин стукнул о стол и зашатался, едва не опрокинувшись, но после нескольких качаний замер.

В кабинете установилась тишина, нарушаемая лишь его хриплым дыханием. Несколько минут хозяин молча смотрел на Мальвину. Она по-прежнему лежала на диване — с вздымающейся грудью и широко разведенными стройными ногами. В полумраке свечей было видно, как из ее гладкого лона медленно вытекает густая белая жидкость, оставляя блестящие дорожки на коже ее бедер.

Отдышавшись и вытерев бороду рукавом, Карабас-Барабас прищурился, посмотрел на лежащую перед ним куклу и повелительно поманил ее пальцем.

У Мальвины внутри всё сжалось от парализующего ужаса. В этот момент ей до безумия захотелось упасть на колени, зарыдать и умолять его пощадить ее, но долгий опыт крепко-накрепко вбил в сознание: любые слезы лишь еще сильнее распялят жестокость хозяина. Поддав подступающий к горлу ком, она снова натянула на застывшее лицо сияющую улыбку и поднялась с дивана.

Плавное, шаг за шагом она подошла к его креслу, прошла чуть дальше и остановилась у шершавой бревенчатой стены. Упершись ладонями в холодную древесину, Мальвина прогнула поясницу и высоко выставила назад ягодицы, полностью подставляя их под обжигающий взгляд Карабаса.

Свист рассек воздух, и нежную кожу обжег первый жестокий удар плети.

— А-ах! — не сдержавшись, громко вскрикнула Мальвина.

По бедрам и ягодицам мгновенно разошлась огненная волна. Удары сыпались один за другим, с каждым разом всё быстрее и мощнее. Плоть с треском впивалась в белизну кожи, оставляя вспухающие багровые полосы. Любое прикосновение кожаных хвостов отзывалось невыносимой болью, от которой тело рефлекторно стремилось сжаться, увернуться, броситься прочь к двери.

«Пожалуйста, стой» — умоляла Мальвина свое тело, механически отсчитывая удары — *«Не сопротивляйся, не убегай, не прикрывайся. Просто жди. Пусть он увидит то, что*

хочет. Если все будет как обычно, тогда он остановится раньше. Ну хоть бы он наконец остановился!».

Превозмогая жгучую боль и слезы, застилавшие глаза, она заставляла себя не просто стоять на месте, а с каждым новым ударом еще сильнее выгибать спину и отставлять ягодицы назад, навстречу следующему удару, словно безмолвно прося хозяина продолжать.

Карабас-Барабас, распаляясь от вида трепещущего красивого тела и ее покорности, глухо дышал и продолжал наносить удар за ударом, наслаждаясь полной властью над своей лучшей куклой.

Мальвине казалось, что этот огненный кошмар никогда не кончится. Всякий новый свист плети отзывался дикой болью во всем теле, но наконец усталость и, главное, вино, к которому хозяин постоянно прикладывался прямо во время порки, сделали свое дело. Рука Карабаса-Барабаса тяжелела, удары становились всё более неловкими и редкими.

Наконец, швырнув окровавленную плеть на пол к ногам куклы, он глухо прорычал:

— Повесь и убирайся.

С трудом выпрямившись, едва сдерживая стоны, Мальвина подчинилась заведенному ритуалу. Она опустилась на колени, взяла деревянную рукоять плети в зубы, прикоснулась губами к грубой коже и, поднявшись, повесила ее на привычный гвоздь у стены. В этот момент за ее спиной раздался раскатистый храп — Карабас-Барабас мгновенно провалился в пьяный сон прямо в кресле.

Подняв с пола голубое платье, Мальвина через силу натянула его на израненное, горящее тело. Любое прикосновение ткани к рассеченной коже отзывалось пыткой. Чуть живая, она открыла дубовую дверь и выскользнула в коридор.

Свет от нескольких свечей, едва разгонявший сумрак коридора, осветил две сиротливо стоящие фигуры.

Артемон, как и обещал, ждал ее прямо за дверью. В глубине коридора, прижавшись к бревенчатой стене и опустив голову, неподвижно стоял Пьеро.

Опершись на крепкое плечо Артемона, Мальвина медленно добралась до своей тесной гримерки. Едва за ними закрылась дверь, она сбросила туфли и сорвала платье. Сил не было вообще — она просто рухнула на жесткую койку вниз лицом, уткнувшись в холщовую подушку.

Артемон немедленно достал баночку с пахнущей травами целебной мазью. Его пальцы, предельно осторожные и теплые, легли на ее распухшее, покрытое багровыми полосами тело. Плавными движениями он начал бережно втирать бальзам в окровавленную кожу.

— Завтра не останется никаких следов, — тихо прошептал он, пытаясь подарить ей хоть каплю утешения.

— Да... — горько усмехнулась Мальвина, уткнувшись лицом в подушку. — Сделаем для него снова чистый холст, на котором он сможет рисовать свои новые картины.

И в этот миг стены, которыми она так долго сдерживала себя, в совершенстве играя роль послушной фарфоровой куклы, окончательно рухнули. Неспособная больше давить в себе ужас и боль, Мальвина уткнулась лицом в прохладную подушку и неистово, горько разрыдалась, сотрясаясь всем телом в надежно защищающих ладонях Артемона.

Она плакала долго, вздрагивая от каждого всхлипа, а Артемон молчал, и только его ладонь медленно скользила по её голубым волосам.

— Вот бы убежать... — мечтательно и тихо произнес Артемон. Его пальцы, измазанные целительным бальзамом, замерли на мгновение на ее израненном теле. В его карих глазах, обычно полных собачьей преданности и тревоги, вспыхнул едва заметный огонек. — Ты только представь себе: вместо сцены и спектаклей маленький домик на самой опушке леса, со ставенками и вьющимся плющом... Точь-в-точь как в той пьесе, которую мы играли в прошлом

сезоне. Вокруг шумит листва и светит солнышко... И там только ты и я среди тишины. Без плетей и пьяных выкриков.

Мальвина замерла. На одно мгновение, как вспышка молнии, перед ее взором возник этот образ: свежий утренний ветер, несущий запах сосновой хвои и ее босые ноги, ступающие по мягкой траве. И, конечно же, теплые и ласковые руки Артемона, касающиеся ее не для того, чтобы залечить очередные раны, а просто так. Никогда не изведенное чувство свободы на секунду коснулось ее сердца.

Но в следующее же мгновение она жестко оборвала себя. Возвращение из этой несбыточной мечты в суровую действительность пахнувшей мазью и сыростью гримерки делало окружающий ад еще страшнее, еще невыносимее.

— Ты сам знаешь, что это невозможно, — прошептала Мальвина, повернув голову набок. Ее голосу не хватало силы, но в нем звучала горькая трезвость. — Мы куклы, Артемон. Мы не люди. *Нити* нас никуда не отпустят.

Она подняла хрупкую, дрожащую ладонь в воздух чуть выше своей груди и указала пальцем в пустоту. В полумраке комнаты, прорезая густые сумерки, отчетливо проглядывали едва заметно мерцающие серебристые нити. Они тянулись от ее запястий, от шеи, от коленей, и сквозь бревенчатые стены уходили по воздуху прямо в кабинет хозяина, намертво связывая её существо с его жестокой волей. Такая же призрачная паутина опутывала и Артемона.

— Люди не видят их, — продолжила Мальвина. Ее рука прошла сквозь одну из *Нитей*, не встретив ни малейшего сопротивления, но удушающее ощущение связи с Карабасом-Барабасом от этого не стало слабее. — И не знают про них. Или не хотят знать. Их видим только мы, а еще мастера-кукольники, и кукловоды. — При последнем слове Мальвина вздрогнула, представив Карабаса-Барабаса. — И они держат нас крепче железных цепей.

— Я что-нибудь придумаю... — тихо, но твердо проговорил Артемон, продолжая аккуратно растирать мазь по ее плечам.

Мальвина ничего не ответила. В его словах она услышала лишь отчаянную попытку утешить безнадежно больного перед неизбежным концом.

Говорить больше было нечего. Артемон втирал мазь, а она лежала с открытыми глазами, глядя в потолок.

Вдруг мертвая тишина за кулисами раскололась. В глубине холла старинные напольные часы со скрежетом и гулом пустили молоточки по медным дискам. Раздался первый, гулкий удар, отмеряющий полночь.

Бум...

Мальвина вздрогнула и сорвалась с койки. Едва она успела накинуть на себя голубое шелковое платье, как почувствовала, что по ее жилам разливается знакомый, нечеловеческий холод. Движения потеряли плавность. Тело мгновенно окаменело, подчиняясь могущественной магии.

Механически, одинаковыми ровными шагами, выпрямив спины и глядя немигающим взором прямо перед собой, они с Артемоном вышли из гримерки. Их ноги сами переставлялись по половикам прохода, ведомые непреодолимой тягой. Они направились в сторону пахнувшей пылью задней комнаты.

Со всех концов погрузившегося во тьму театра, с лестниц и из темных углов, ведомые той же невидимой магией *Нитей*, сходились остальные актеры. Из своего угла, мелко пошатываясь, вышагивал бледный Пьеро с намертво застывшей на выбеленном лице маской печали; с другого конца коридора, дурашливо и дергано чеканя шаг, двигался пестрый Арлекин. Никто из них не говорил, никто не сопротивлялся — в полночь магия *Нитей* лишала их собственной воли, превращая в послушные марионетки.

В центре задней комнаты возвышался гигантский, обитый железом сундук Карабаса-Барабаса. Его массивная крышка уже была откинута назад, открывая бездонное нутро, выстланное темным бархатом.

Куклы одна за другой начали перелезать через высокий борт и укладываться на дно плотными рядами. Когда подошла очередь Мальвины, ее одревеневшие колени послушно согнулись, и она опустилась в темноту сундука. В ту же секунду рядом с ней оказался Артемон. Не обращая внимания на сковывающее оцепенение, преодолевая магию *Humei* остатками своей преданности и любви, он обхватил её своими широкими руками, заслоня своим телом ее израненную спину и нежную кожу от шероховатых костюмов остальных кукол.

— Я с тобой... — успел прошепестеть его утешающий шепот над ее ухом.

Тяжелая крышка сундука с мягким, глухим стуком опустилась, отсекая последний лучик свечного света. Воспоминания исчезли вместе с болью. Вступили в силу законы ночи, и сознание Мальвины моментально провалилось в беспросветный сон — без сновидений и без возможности проснуться раньше, чем ключ хозяина снова повернется в замочной скважине с наступлением утра.

Глава 2. Нити и ножницы

Утреннее солнце скупо пробивалось сквозь пыльную дымку, когда тяжелые, окованные железом колеса повозки нарушили тишину сухим скрипом. Театр Карабаса-Барабаса въезжал в очередной город.

Никто из кукол не спрашивал его названия, да и зачем? Для них абсолютно все города были на одно лицо: те же мощеные булыжником площади, тот же запах лошадиного навоза и чужого веселья. Менять декорации имело смысл лишь для хозяина, но не для марионеток, чья жизнь была навсегда замкнута в границах деревянных подмостков.

На высоком помосте открытой телеги уже играл оркестр. Артисты, выстроенные в безупречное каре, отрепетированными движениями вскинули руки к небу. Их голоса, полные наигранного восторга, подхватили легкий, веселый мотивчик под звуки гремящих тарелок и визжащей флейты:

Приходите, не стесняйтесь,
К нам на сказочный показ!
Удивляйтесь, восхищайтесь,
Вас встречает Карабас!

Сзади на возвышении, словно темная гора, восседал сам Карабас-Барабас. В широких складках его длинного плаща, прямо под рукой, так, чтобы не было видно собирающейся глазеть публике, привычно покоилась тяжелая, смазанная дегтем плетть. Его взгляд постоянно возвращался к актерам, сразу становясь колючим, и запоминая малейшую фальшивую ноту или сбившееся движение.

Привлеченные громкими звуками трубы и звонкими голосами, из подворотен и торговых лавок со всех ног сбегался народ. Дети подпрыгивали, указывая пальцами на синие волосы Мальвины и пестрый костюм Арлекина, взрослые хохотали и хлопали в ладоши.

— Как они веселятся... — едва заметно шевельнув губами, шепнула сзади одна из кукол, не сбиваясь, впрочем, с утонченных танцевальных движений.

— Они еще больше веселятся, когда Арлекин лупит меня на сцене палкой, — так же тихо, сквозь нарисованную гримом вечную печаль, отозвался Пьеро. В его голосе звучала не обида или злость, а лишь обнажение той простой истины, которую зрители предпочитали не замечать.

Мальвина стояла в самом центре, сияя белизной кожи и взмахивая пышными оборками платья. Каждая ее улыбка, каждый легкий реверанс казались толпе верхом изящества и кокетства. На ее коже не осталось ни малейшего следа кровавых рубцов, ее неподвижное лицо светило радостью жизни, но под шелком корсета тело всё еще помнило недавний огонь, а пальцы подрагивали, словно невидимая плетть все еще касалась ее кожи.

Карабас-Барабас, глядя на то, как плотно смыкается вокруг повозки шумящая, восхищенная толпа, лишь сладко и довольно заурчал в усы. Его глазки-щелочки жадно блестели. Он уже мысленно подсчитывал, сколько увесистого серебра осядет в его кожаных кошельках после нескольких дней выступлений в этом сытом, доверчивом городе.

Пестрая толпа ревела и подавалась вперед, но среди сотен чужих, размытых лиц внимание Мальвины внезапно привлек паренек, пробившийся в самый первый ряд.

Он резко выделялся на фоне упитанных горожан. На него была накинута странная, легкая, словно скроенная из цветной бумаги курточка, а голову венчал островерхий колпак с кисточкой. Но самым необычным было его лицо: пониже задорных глаз выдавался невероятно длинный-предлинный нос, а еще ниже расплывалась заразительная улыбка. Паренек весело подмигнул Мальвине, и она невольно посмотрела на него внимательнее.

— Какой веселый, — подумала Мальвина, но одного более глубокого взгляда на его ауру, то магическое свечение, что куклы всегда видели, хватило для изумленного осознания. — Это же... аура куклы! Но почему такая грубая?! — Она невольно сравнила ее с аурами Артемона, Пьеро и своей собственной. — Она же совершенно не похожа на ауру театрального артиста, где в ней хоть капля фарфоровой изысканности?!

На Мальвину повеяло ароматом свежей стружки и смолы. Сомнений больше не оставалось. Это была грубо сработанная самодельная кукла, изготовленная не мастером-кукольников, а каким-нибудь безымянным ремесленником-самоучкой.

И всё же, вопреки кукольной природе, он смеялся не наигранно и заученно, как они на подмостках, а совершенно естественно, во весь рот, совсем как живой человек.

Но больше всего Мальвину поразило другое. Потрясло до глубины души.

От его плеч и ног не тянулись *Humi*. Воздух вокруг него был абсолютно чист. Не было серебристых паутинок, которые связывали бы его с чужой волей. Этот странный парнишка был свободен.

Это невероятное зрелище настолько противоречило законам их кукольного мира, что Мальвина на мгновение потеряла такт. Ее изящная ножка запнулась, звонкая песня на полуслове застряла в горле.

В то же мгновение сзади, с возвышения, донесся тяжелый, угрожающий рык Карабаса-Барабаса, и все словно почувствовали, как его рука крепче сжала плетку.

Мальвина тут же подхватила ритм, с усилием вернув на лицо наигранную жизнерадостную улыбку. Необычный паренек в бумажной курточке еще раз задорно подмигнул ей, растворяясь в гуще народа, а повозка с актерами, гремя бубнами и флейтами, свернула за угол, направляясь к центральной площади города.

Главное здание театра уже возвышалось над площадью, но вокруг него все еще кипела работа: рабочие таскали бревна, крепили опоры и натягивали пестрый холщовый шатер. Там же бушевал Карабас-Барабас, яростно ругаясь с десятником. Хотя его знаменитая плетъ на этот раз осталась в кабинете, раскатистый рев хозяина разносился до самых отдаленных уголков театральной постройки, перекрывая стук молотков.

— Три тысячи чертей, проклятые лентяи! — проорал он, выскочив на сцену, где спешно собрались все куклы. — Не успевают закончить! Сегодня вечером представления не будет! Зато завтра сыграем на одно больше! А сейчас — живо на площадь, привлекайте публику!

Он щелкнул плетью, и артистов как ветром сдуло.

Уже через минуту на площади всю кипела жизнь. Мальвина с безупречно-веселым застывшим лицом кружила детей в шумном хороводе, одаривая каждого лучезарной улыбкой. Рядом Артемон ловко жонглировал яркими мячиками, вызывая аплодисменты глазееющих горожан. Чуть в стороне Арлекин и Пьеро разыгрывали классическую сценку весельчака и неудачника: под громкий смех толпы Пьеро то и дело получал хлесткий удар палкой по спине или пониже. Остальные актеры тоже не сидели без дела — пели, зазывали и раздавали пестрые листовки.

Наконец наступил поздний вечер. На площадь опустились прохладные сумерки, и измотанные куклы начали постепенно, еле волоча ноги, ковылять в глубь театра. В дверях показался Карабас-Барабас. Его обычно гремевший бас сильно сел от непрерывной ругани с рабочими, а ноги ощутимо заплетались от количества выпитого за день вина. Проходя мимо, он протянул тяжелую лапу к Мальвине, увлекая ее за собой в кабинет.

Оказавшись перед сидящим в кресле хозяином, кукла привычным движением протянула руку к застегке, и вдруг с ужасом осознала, что сейчас на ней не то платье, в котором она обычно приходила к нему, и державшееся всего лишь на одной кнопке. Путаясь в шнурках и крючках, она лихорадочно расстегивала платье, кожей чувствуя нарастающее раздражение

Карабаса-Барабаса. В животе у нее похолодело в предчувствии того, во что это недовольство выльется во время порки.

Оставшись наконец обнаженной, Мальвина наклеила на лицо ослепительную улыбку и привычно опустила на колени перед хозяином. Как обычно, ее тонкие пальцы расстегнули штаны Карабаса-Барабаса, губы и язык заработали в заведенном темпе, а в голове включился метроном. Но уже через несколько минут неожиданный звук отвлек ее от устоявшегося ритуала. Хозяин храпел, его руки безвольно свесились с ручек кресла.

Кукла на секунду замерла, вслушиваясь в ровный храп, не веря, что это не сон. Пальцы застёгивали пуговицы на его штанах мучительно медленно, словно каждое неловкое движение грозило пробуждением. Наконец, схватив в охапку платье и туфли, Мальвина на цыпочках скользнула к двери. Только оказавшись в коридоре, она вдруг поняла, что снова может дышать: плечи, до этого стянутые в тугий узел, наконец опустились, а в груди стало чуть легче.

Она стояла, прижимая к груди одежду, и слушала, как в груди постепенно утихает бешеный стук.

— Иди за мной, — вдруг услышала Мальвина хриплый от волнения шепот за спиной.

Она повернулась. Рядом стоял Артемон. Верный пудель был взволнован до предела, его дыхание сбивалось, а в темноте глаз горел небывалый, почти безумный огонь.

— Что случилось? — тревожно спросила она, надевая туфли и платье.

— Иди! Нас никто не должен видеть!

Они мгновенно проскользнули в тесную гримерку и заперли дверь на засов. Привычный запах пыли и старого сукна в этот раз показался Мальвине почти уютным.

Артемон, весь дрожа от нахлынувших чувств, бросился к койке. Опустившись на колени, он вытащил из-под деревянного настила небольшой сверток, бережно завернутый в мешковину.

— Что это? — спросила Мальвина, подавшись вперед.

Вместо ответа Артемон развернул мешковину, и Мальвина не поверила своим глазам. В его дрожащих руках покоились сияющие серебристым, почти лунным светом *Ножницы*. Их лезвия были покрыты тончайшей гравировкой, а от самого металла веяло прохладой и странной нездешней силой.

У Мальвины перехватило дыхание. Куклы иногда шепотом, прячась по самым темным углам театра, говорили об этом легендарном артефакте, способном перерезать *Нити*. Но все считали его лишь красивой, придуманной от отчаяния сказкой, и никто и никогда не видел *Ножниц* наяву. Но, даже впервые увидев их, Мальвина мгновенно поняла, что это такое.

— Откуда ты их взял?! — пораженно прошептала она, отшатнувшись и со страхом оглянувшись на запертую дверь.

— Потом расскажу, — ответил Артемон, и в его голосе прозвучала стальная, непреклонная решимость. — Важно лишь то, что они освободят тебя... и меня, если у них хватит магической энергии.

— А если не хватит?! — ее голос сорвался на отчаянный шепот. Мальвина схватила его за руки, сжимая холодный металл вместе с его пальцами. — Артемон, я не могу! Если их энергии не хватит на тебя... ты знаешь, что с тобой будет. Карабас поймет всё в первую же секунду! Он не просто накажет тебя, он бросит тебя в *Очаг*! Он превратит тебя в пепел! Я не стану так рисковать твоей жизнью!

— Мальвина, послушай меня, — Артемон перехватил ее запястья, заставив посмотреть прямо ему в глаза. В его взгляде не было и тени сомнения, только бесконечная преданность. — Я не смогу смотреть, как он день за днем ломает тебя. Видеть твои слезы каждый вечер, втирать мазь в твои багровые рубцы и знать, что завтра всё повторится снова — это в тысячу раз хуже любой смерти в огне. Если хватит только на одного — ты убежишь. Ты будешь свободна. А

если мы останемся здесь, мы все равно погибнем. Рано или поздно он уничтожит нас. Это наш единственный шанс, Мальвина. Другого не будет никогда.

Он поднес сверкающие лезвия к ее лицу. В их серебристом отражении Мальвина увидела свои синие глаза, полные слез и немного ужаса. Она перевела взгляд на тонкие, мерцающие в полумраке нити, уходящие от ее запястий сквозь стены в кабинет спящего хозяина. Мысль о том, что через несколько минут эта проклятая связь может порваться навсегда, заставила ее сердце забиться с неистовой силой. Страх за Артемона всё еще разрывал её изнутри, но его горячий, верный взгляд и обещание свободы победили.

— Хорошо... — едва слышно выдохнула Мальвина, кивнув и сжав его ладонь. — Сделай это.

На мгновение в гримёрке стало так тихо, что был слышен даже слабый шорох пыли, оседающей с занавеса. Затем Артемон поднес серебристые ножницы к первой нити, тянувшейся от запястья Мальвины. Едва лезвия соприкоснулись с призрачным серебром, раздался звонкий, резкий щелчок.

Мальвину словно пробило насквозь, это ощутилось как сильный удар плетью, от которого мышцы мгновенно сжались в судороге, а во рту появился металлический привкус. Она стиснула зубы и зажмурилась, изо всех сил сдерживая стон, чтобы не разбудить спящего хозяина. Едва нить распалась, Мальвина ощутила странную, неведомую прежде легкость в руке: часть держащей её магии исчезла.

Артемон не медлил. Щелк! Щелк! Щелк!

Всякий раз, когда магический волосок лопался, Мальвина содрогалась от резкой боли, прошивавшей все тело от кончиков пальцев до самого сердца. Но с каждой перерезанной связью она с непередаваемым трепетом чувствовала, как к ней возвращается истинный, живой контроль над собственными движениями. Однако цена свободы проявлялась мгновенно: с каждым укусом металлического лезвия сияющий серебристый свет *Ножниц* угасал. Волшебная энергия артефакта стремительно таяла.

Когда последняя, девятая нить Мальвины со звоном лопнула, она бесшумно опустилась на пол, ощущая себя удивительно легкой и... настоящей. Но, взглянув на руки Артемона, она похолодела: ножницы потускнели больше, чем наполовину, превратившись из ярко светящегося клинка в тусклый, серый металл.

Свобода пахла пылью, холодом и чем-то неуловимо новым — запахом, которого Мальвина никогда раньше не чувствовала. Но у неё не было времени его запомнить: Артемон уже поднёс ножницы к своей руке.

— Артемон, нет... — с ужасом шепнула она, глядя на угасший артефакт.

Вместо ответа верный пудель решительно поднес ножницы к собственному предплечью и нажал на кольца.

Первая его нить распалась. Теперь пути назад не было.

Они оба знали страшную правду: если у ножниц не хватит энергии перерезать абсолютно все связи и у него останется хотя бы одна-единственная *Нить* — Артемон не сможет сделать и десятка шагов от театра. А наутро Карабас-Барабас, увидев пропажу своей лучшей куклы и полусвободного пуделя, мгновенно всё поймет.

В этот миг его ярость не знала бы границ. Жестокое назидание остальным актерам превратило бы расправу в сущий ад. *Очаг*, куда обычно бросали лишь окончательно изношенных кукол, показался бы Артемону недостижимой милостью. Хозяин медленно, кусок за куском разрывал бы его на части перед взором всего театра.

Артемон перерезал свои нити одну за другой. По его телу проходили жестокие судороги, на лбу выступили капли пота, но он продолжал сжимать кольца. А ножницы на глазах темнели, покрываясь черной, мертвой копотью. Энергия стремительно иссякала.

Осталась последняя нить. Самая толстая, тянувшаяся прямо от затылка Артемона.

Ножницы к этому моменту почернели полностью, превратившись в кусок хрупкого, словно обугленного железа. Артемон завел руку за голову, навел лезвия на *Нить* и изо всех сил сжал пальцы.

Ничего не произошло.

Металл со скрежетом уперся в прозрачное серебро, но перекусить его не мог. Нить даже не дрогнула. Артемон нажал снова, вкладывая всю оставшуюся силу, его руки задрожали от дикого напряжения, но ножницы лишь глухо заскрипели. Энергия кончилась.

У Мальвины пресеклось дыхание. Слёзы застилали глаза, и она, сжав кулаки на груди, всем своим существом, каждой клеточкой обретенной свободы мысленно обратилась к затухающему артефакту:

«Пожалуйста... Ну пожалуйста, отдай последнее! Спаси его!»

Артемон зарычал от отчаяния и сделал последний, безумный рывок, сдавливая кольца обеими руками.

Время словно остановилось. Металл глухо скрежетал по серебристой *Нити*, и в этом звуке слышался приговор. И вдруг тонкий, хрустальный звон отозвался в тишине комнаты.

Последняя нить с треском лопнула. В ту же секунду почерневшие ножницы выскользнули из ослабевших пальцев Артемона и, еще не долетев до пола, рассыпались в абсолютно невесомую, черную пыль, которую тут же подхватил сквозняк.

— Скорее! Надо бежать прямо сейчас, пока все спят! — шепнула Мальвина, схватив Артемона за рукав. Ее сердце колотилось где-то у самого горла, свобода опьяняла, а страх гнал прочь из этой проклятой гримерки.

— Нет, Мальвина, нельзя, — настойчиво и тихо возразил Артемон, удерживая ее за плечи. — На улице еще вечер. По коридорам ходят рабочие, а в костюмерной глядят наряды. Если нас кто-то увидит не в то время — мы пропали. Мы должны дождаться полуночи. Когда часы пробьют двенадцать, все куклы улягутся в сундук, а театр погрузится в сон. Только тогда.

Они стояли, тяжело дыша, и пытались поверить в то, что это правда. Вдруг в тишине комнаты раздался осторожный, робкий стук в дверь.

Мальвина и Артемон мгновенно замерли, едва смея дышать.

— Мальвина... — донесся из-за двери тихий, дрожащий от тоски голос Пьеро. — Ты здесь? Я... я написал для тебя новую поэму. О том, как твои слезы превращаются в утреннюю росу на лепестках незабудок. Позволь мне прочитать хотя бы строфу...

Мальвина переглянулась с Артемоном. Тот сжал кулаки, но остался неподвижен.

— Не сегодня, Пьеро, — стараясь придать голосу привычную ровность, отозвалась Мальвина сквозь замочную скважину. — Я очень устала. Иди отдыхать.

За дверью послышался тяжелый, печальный вдох, затем неторопливое шлепанье подошв. Пьеро уходил восвояси, унося свою безответную грусть обратно в темноту коридора.

Мальвина повернулась к своему спасителю и задала мучивший ее вопрос:

— Артемон, не томи меня, и наконец ответь: где ты взял эти *Ножницы*?

Тот наклонился к ней и тихо заговорил:

— Помнишь, когда мы сегодня проезжали с театром Карабаса-Барабаса по улицам через город? Я заметил их за углом, прямо над дверью цирюльника. Для людей это просто большая вывеска. Но ты же знаешь: магические артефакты открываются только нам, куклам, да еще кукольным мастерам и кукловодам вроде нашего почтенного директора.

— Как же нам повезло, что ни он, ни другие куклы не заметили их магического свечения — не выдержала Мальвина.

— Карабас-Барабас был слишком увлечен своими подсчетами — грустно усмехнулся Артемон. — А другие куклы... они давно смирились со своей судьбой. Если бы не ты, если бы я не видел, что он каждый день с тобой вытворяет, я бы, пожалуй, тоже смирился. Здесь все понятно, а что ждет нас там — он махнул в сторону улицы — никто не знает.

Вдруг в коридоре слышались тяжелые шаги и хриплые голоса. Мальвина и Артемон мгновенно затихли. Ей показалось, что ее сердце бьется с грохотом кузнечного молота. Затем раздался стук, словно на пол поставили что-то тяжелое, его сменили ритмичные удары молотка.

— Это рабочие — Облегченно выдохнул Артемон.

— Так как же *Ножницы* оказались у тебя? — Страх Мальвины сменился любопытством.

— Днем, пока театр завлекал публику на площади, я крутил фокусы для местных мальчишек. Когда они разинули рты, я пообещал показать нечто совсем невероятное, если они сдерут эту железяку и принесут мне. Ребята и проболтались: около года назад в городе умер старый мастер-кукольник, возвращавшийся в столицу. За его саквояжем никто не приехал, вещи распродали за бесценок, вот цирюльник и купил *Ножницы* за пару чентезимо для своей вывески. Для людей они больше ни на что не годны.

Артемон виновато опустил голову и сжал руки:

— Я знаю, Мальвина... Я толкнул детей на кражу, и мне невыносимо, до боли стыдно за это. Но когда я смотрел на тебя, на то, как Карабас-Барабас терзает тебя день за днем... Я просто не видел другого способа вытащить тебя из этого ежедневного ада.

Мальвина недоверчиво прищурилась, качнув голубыми локонами, забыв даже про страх ожидания:

— Но откуда тебе вообще известно, как выглядят эти *Ножницы*? Ты же никогда их не видел!

— Видел, Мальвина, — тихо отозвался Артемон, опустив уши. — Когда меня только изготовили и вдохнули жизнь, покупатель запаздывал. Я провёл в мастерской несколько дней. И своими глазами наблюдал, как старый мастер обрезает ими *Нити*...

Томительное, изнуряющее ожидание продолжалось. Каждая минута казалась вечностью. Мальвина и Артемон сидели на койке плечом к плечу, вслушиваясь в доносящийся со двора затихающий шум театра, и вздрагивая от любых шагов за дверью.

И вот, наконец, в глубине холла со скрежетом и гулом пустились молоточки напольных часов.

Бум... Бум... Бум...

Часы начали бить полночь. Мальвина зажмурилась, ожидая, как сейчас ее тело перестанет ей подчиняться, по жилам разольется привычный нечеловеческий лед, а ноги сами понесут её к огромному дубовому сундуку. Но... ничего не произошло. Впервые в жизни ни она, ни Артемон не ощутили удушающего, сковывающего одеревенения. Они оставались полными хозяевами собственных тел.

— Пора, — шепнул Артемон.

Они бесшумно выскользнули из гримерки. Театр был мертв и пуст, со стороны задней комнаты доносился лишь смутный шум — остальные марионетки, подчиняясь магии *Нумей*, уже опустились на дно сундука, и тяжелая крышка, вероятно, только что защелкнулась.

Выбравшись через окно служебного выхода во двор, они подбежали к высокому деревянному забору, окружавшему территорию театра. Артемон подставил спину, помог Мальвине перебраться через остроконечные доски, а затем ловко перемахнул ограду сам.

Свобода была так близко, но, едва ступив на брусчатку по ту сторону забора, Мальвина внезапно замерла.

В десятке шагов от них, под одиноким тусклым фонарем, стоял тот самый странный паренек в бумажной курточке и островерхом колпаке. Его длинный нос отбрасывал еще более длинную тень на мостовую, а сам он крутил в руках яркую листовку с объявлением о завтрашних представлениях.

Внутри у Мальвины всё похолодело и замерло. Ужас парализовал грудь. Если этот мальчишка сейчас закричит, если от испуга или забавы ради поднимет шум — на улицу выскочат

рабочие, сбегутся горожане, их тут же схватят и потащат обратно к Карабасу-Барабасу. И тогда не будет никакой жизни — только огненная пасть *Очага*, или что-то намного хуже.

В полном отчаянии, еле сдерживая подступающие слезы, Мальвина приложила изящный тонкий палец к своим губам, умоляюще смотря ему прямо в глаза.

Паренек на мгновение прищурился. Затем его губы расплылись в широкой, понимающей и озорной улыбке. Он молча кивнул и коротко показал ладонью направо — туда, где за поворотом улицы вдали виднелась каменная арка городских ворот.

Мальвина на секунду моргнула и повернула голову к Артемону, чтобы указать направление, а когда снова взглянула под фонарь — паренька уже не было. Улица под тусклым светом была абсолютно пуста, лишь кружилась на ветру одинокая листовка.

За спиной у Артемона надежно крепилась небольшая котомка с скромными припасами, которую он успел собрать еще днем.

Переглянувшись и не произнеся больше ни слова, беглые куклы взялись за руки и поспешили направо. Впереди их ждала ночь, а за городскими воротами — совершенно незнакомый им свободный мир.

Глава 3. Топор и пепел

Под кожаными сапогами Артемона вновь захрустела сосновая хвоя, когда он вынес на поляну еще одно бревно. Под темным сукном его куртки бугрились мышцы, а на лбу блестели крупные капли пота. Сброшенный к подножию будущего крыльца ствол поднял в воздух сухой лесной дерн. Артемон ненадолго остановился, переводя дух. Из свежеспиленного бруса поднимался дом. Все его пазы были выдолблены его мозолистыми ладонями.

Мальвина сидела на гладком пне, поджав ноги и завернувшись в мягкую шаль. Ткань слегка выцвела, поэтому ее голубые волосы казались особенно яркими. В тонких пальцах застыла чашка с горячим отваром, над которым поднимался сизый пар.

— Тебе не дуется? — Артемон обернулся и сделал шаг к ней, вытирая тыльной стороной ладони разгоряченное лицо. Его глухой голос звучал мягко, как он всегда разговаривал только с ней. — Если сквозняк с оврага тянет, то я могу поднять плетень с подветренной стороны. Скажи, и я в два счета все сделаю.

— Не дуется, Артемон, — она подняла на него глаза, огромные, сияющие. — Здесь вообще все просто необыкновенно. Слышишь? Ничего кроме пения птиц.

Она кивнула в сторону лесной стены, где шумел ветер. Далеко за пределами поляны, оставался огромный, жестокий мир, в котором был Карабас-Барабас с плеткой и Нитями. Но здесь, внутри кольца из вековых елей были только они вдвоем.

Артемон вернулся к срубу, взял топор и легко, почти играючи, подтесал угол нижнего венца. Щепка со свистом полетела в траву, обнажая белую, пахнущую смолой древесину. Топор в его уверенных руках на мгновение замер, а потом резко опустился на бревно. Удар привычно отозвался в плечах, ужасное воспоминание немедленно вспыхнуло в памяти: темный коридор театра, его собственная, вытянутая от слабого света свечей тень под дверью кабинета Карабаса-Барабаса, и тишина, которую нельзя было нарушать ни единым вздохом.

Он рубанул ещё раз, будто хотел выбить из памяти притворные стоны Мальвины и алые рубцы на ее теле. Щепка полетела в сторону. Теперь перед глазами стояла лишь светлая, тёплая древесина сруба.

«Теперь всё иначе», — эта мысль пришла не словами, а как ощущение во всем теле. Знание, что он сам решает, когда поднять топор и куда направить удар, придавало ему необычную легкость. — «То был всего лишь кошмарный сон, который надо поскорее забыть. Я могу работать без усталости, и теперь у меня есть, ради чего это делать».

Ещё один удар. Ещё одна щепка. «Сберегу, построю, накормлю». — слова ложились в такт ударам как обещание, которое он будет выполнять день за днём.

Мальвина поднесла чашку к губам, наблюдая, как легко он подминает под себя тяжелый, упрямый материал. Каждый взмах топора в его руках был абсолютно уверенным движением того, кто точно знает, что он делает. После долгого времени, когда весь мир был для нее вынужденной игрой на публику и мучительным ожиданием забав хозяина, эта надежная сила вокруг нее ощущалась как не пропускающая ничего дурного стена сруба. Ей больше не нужно было, замирая от страха, ждать свистящих ударов плетки. Всё, что могло понадобиться, находилось в этих широких, пахнущих сосновой корой руках.

— Ты совсем не отдыхаешь, — произнесла она с тихой, почти детской благодарностью, наклонив голову. — Ты ведь работаешь с самого рассвета.

Артемон замер с поднятым топором, оглянулся и улыбнулся — открыто, чуть смущенно.

— Разве это работа? — он коротко хмыкнул, вгоняя лезвие в пень и вытирая руки о фартук. — Вот закончу крышу, накрою дранкой в два слоя, чтобы ни капли не просочилось. А потом за ручей схожу, там дикая морошка отходит. Ты же хотела к чаю?

Мальвина чуть замялась, вскинув брови:

— Морошка? Но я же только утром обмолвилась... Я даже не думала, что ты запомнил.

— Я всё помню, — просто ответил он.

Он не просто помнил. Где-то все сжалось, слабо, едва ощутимо, как первые ночные заморозки. Он пришел вместе с осознанием того, как бесконечно дорого ему то, что он строит. Если она хоть на мгновение заскучает или в её взоре проскользнет хотя бы тень той прежней тревоги, то все рухнет. И поэтому Артемон уже подмечал каждый ее полувзгляд, любое случайное движение пальцев.

Он шагнул к столу и поставил перед ней резную деревянную подставку под чашку, которую выточил накануне ночью, пока она спала в шалаше. Подставка идеально подошла под доньшко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.